

CZU: 343.42: 343.31

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Лилия ГЫРЛА

Молдавский государственный университет

В научном исследовании осуществлен уголовно-правовой и криминологический анализ некоторых аспектов религиозного экстремизма с точки зрения его влияния на содержание уголовно-правовых запретов Особенной части Уголовного кодекса Республики Молдова. В целях наиболее глубокого и всестороннего рассмотрения объекта исследования детально изучены такие феномены, как религиозный фанатизм, фундаментализм, а также исследовано родовое понятие экстремизма. Статья представляет собой детальный анализ уголовно-правовой и криминологической доктрины, а также некоторых результатов социологической науки, что придает исследованию междисциплинарный характер. Автором проанализированы определения и классификации, встречаемые в современной науке, а также предложено собственное собирательное определение преступлений религиозно-экстремистской направленности. Обосновывается, что в качестве основного признака при разграничении преступлений является присутствие экстремистского мотива. В результате автором были сформулированы выводы, которые могут быть применимы как в науке уголовного права и в криминологии, так и могут быть учтены при совершенствовании уголовного законодательства.

Ключевые слова: религиозный фанатизм, религиозный фундаментализм, религиозный экстремизм, религия, экстремистский мотив, преступления религиозно-экстремистской направленности.

EXTREMISMUL RELIGIOS ÎN DREPTUL PENAL ȘI ÎN ȘTIINȚA CRIMINOLOGICĂ CONTEMPORANĂ

Autorul efectuează o analiză juridico-penală și criminologică a unor aspecte ale extremismului religios din punctul de vedere al impactului pe care acesta îl exercită asupra conținutului prohibițiilor juridico-penale ce se conțin în Partea Specială a Codului penal al Republicii Moldova. Cu scopul de a efectua o examinare temeinică și multilaterală, au fost cercetate așa fenomene, precum fanatismul religios, fundamentalismul, fiind studiată și noțiunea generică de extremism. Autorul prezintă o analiză detaliată a doctrinei juridico-penale și criminologice, precum și a unor rezultate ale științei sociologice, ceea ce atribuie prezentului studiu un caracter interdisciplinar. Sunt cercetate noțiunile și clasificările care sunt întâlnite în știința contemporană, autorul oferind propria definiție a faptelor infracționale cu caracter de extremism religios. Se argumentează că în calitate de semn obligatoriu al faptelor infracționale de natură extremistă trebuie să fie stabilit motivul extremist al făptuitorului. Concluziile formulate de autor pot fi aplicate atât în știința dreptului penal și în criminologie, cât și în procesul de ameliorare a legii penale.

Cuvinte-cheie: fanatism religios, fundamentalism religios, extremism religios, religie, motiv extremist, infracțiuni cu caracter de extremism religios.

RELIGIOUS EXTREMISM IN THE MODERN CRIMINAL LAW AND SCIENCE OF CRIMINOLOGY

In the realm of this scientific research there is performed a profound analysis of criminological points of view as well as of penal provisions concerning some aspects of religious extremism from the perspective of its impact upon the content of the penal prohibitions which are contained in the Special part of The Criminal code of the Republic of Moldova. In order to obtain the best scientific results, there have been examined such phenomena as religious fanatic views, religious fundamentalist views, as well as there have been researched the generic notion of extremism. This article can be defined as an analysis of the modern penal and criminological doctrine, as well as some results of the sociological science which gives the opportunity to consider that this is an interdisciplinary research. The author has researched some definitions and classifications which are met in the modern science being proposed a generic definition of the criminal offences which have a religious extremist character. There is demonstrated that as a basic sign of the delimitation between extremist offences and other types must be recognized the criminal reason of the misdeed. As a result, there have been formulated several conclusions which can be applied in the science of the Substantive Criminal Law, Criminology, as well as can be taken into account during the improvement of the penal legislation.

Keywords: religious fanatic view, religious fundamentalist view, religious extremism, religion, extremist motive, criminal offences of the religious extremist character.

Введение

В современном уголовном праве и криминологической науке понятие религиозного экстремизма разработано недостаточно. Причиной тому может явиться то обстоятельство, что сегодня уголовно-правовая и криминологическая доктрина не уделяет должного внимания многим дискуссионным вопросам соотношения религии, религиозного фундаментализма, религиозного экстремизма и уголовного права и криминологии. В предпринятом междисциплинарном теоретическом исследовании были изучены вопросы конструирования составов преступлений, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Республики Молдова, содержащих признаки религиозного экстремизма. Детальному и разностороннему изучению подвергнуты объективные и субъективные признаки преступлений экстремистской направленности, однозначно позволяющие разграничивать анализируемые составы преступлений от смежных.

Игнорирование указанных категорий в уголовно-правовой и криминологической науке чаще приводит к подмене представлений, к незнанию элементарных закономерностей формирования понятийного аппарата, что, в конечном счёте, не может не отразиться и на законотворческом процессе. Значимость результатов проведенного исследования носит междисциплинарный характер и состоит в разработке новых определений религиозного экстремизма и смежных правовых категорий как для уголовно-правовой, так и для криминологической науки. Вследствие этого правоприменитель сможет учесть сформулированные выводы и рекомендации в законотворческой деятельности как в целях дальнейшего улучшения действующего уголовного законодательства, так и в целях совершенствования криминологической науки в борьбе с религиозным экстремизмом.

Цель исследования состоит в комплексном изучении потенциала уголовно-правовых норм, противостоящих преступлениям религиозной экстремистской направленности, а также криминологических мер предупреждения данной категории преступлений.

Объект исследования составляют общественные отношения, обеспечивающие охрану уголовно-правовыми средствами личности, общества и государства от преступлений религиозно-экстремистской направленности, а также меры предупреждения религиозного экстремизма.

Предмет исследования составляют научные изыскания в области совершенствования уголовного законодательства и криминологической науки, противостояния преступлениям религиозно-экстремистской направленности.

Дискуссии и результаты исследования

В рамках нашего исследования подчеркнем, что правовую природу религиозного экстремизма невозможно уяснить без определения таких категорий, как *«религиозность»*, *«религиозный фанатизм»* и *«религиозный фундаментализм»*. С этой целью обратимся к специальной литературе.

Изначально поясним категорию религиозности. *Религиозность* целесообразно определять как специфический социокультурный феномен, основанный на личностных религиозных ориентирах, обусловленных совокупностью идеологических, социальных и культурных факторов.

В условиях возрождения религиозности населения радикалы и экстремисты стремятся опираться на влияние религии как сильнейшей составляющей культуры. Так, как в теории, так и на практике существуют различные подходы к трактовке событий, которые в одном случае воспринимаются как террористические и экстремистские действия, а в другом – преподносятся как защита интересов народа, нации, как противостояние чужеродному вмешательству [1, с.13-14]. Криминалисты О.В. Зеленина и П.Е. Суслонов предостерегают специалистов по поводу того, что нередко в публикациях, выступлениях, возбуждающих национальную, расовую, религиозную рознь, широко используются *тенденциозно подобранные, извращенные вымышленные факты, бездоказательные утверждения и представления, отвергаемые современной наукой*. Различные слухи и измышления, перемежаясь с другими, иногда реальными фактами, вводятся в контекст, где и служат созданию негативного образа представителей той или иной нации или религии, приписывая им враждебность и способствуя созданию атмосферы национальной или религиозной нетерпимости. Недобросовестность сообщений может свидетельствовать о сознательном (умышленном) манипулировании информацией, поэтому зачастую возникают вопросы о правильности приведенных автором сведений, достоверности использованных им источников, подлинности цитат, обоснованности авторских утверждений и суждений по существу [2, с.35-36].

В данном контексте Э.М. Шарипова определяет *религиозный фанатизм* как социокультурный феномен, основанный на религиозной вере, догмы и степень интенсивности которой имеют тенденцию противопоставления мировоззрения ее последователей другим верованиям или социокультурным концепциям, вследствие чего возникает категоричное социальное неприятие и приоритетно-негативная модель поведения [1, с.13-14].

Чаще всего откровенная абсурдность идей религиозных фанатиков базируется, прежде всего, на теории и исключительной решимости воплотить ее в жизнь. *Сущность фанатичного мировоззрения в том, что оно всегда делит мир надвое, игнорируя его многообразие.* Природа религиозного фанатизма может базироваться не только на непросвещенности и слепой религиозной вере, основой которой является страх и суеверие, а в равной степени на высоком уровне интеллекта в сочетании с нетерпимостью к инакомыслию в благоприятно сложившихся для возникновения фанатизма социально-политических условиях [1, с.12-13]. Иными словами, религиозный фанатизм являет собой высшую степень религиозности человека, основной характеристикой которой является чрезмерная поглощенность сознания верой.

По мнению Э.М. Шариповой, религиозный фанатизм возникает вследствие кризиса религиозной идентичности индивида, вызванного ослаблением значимых культурных ценностей и появлением новых реалий социокультурной ситуации: идей, идеологий и ценностных установок [1, с.10]. Религиозный фанатизм систематизирован Э.М Шариповой исходя из его идейных предпосылок (оригинальный (исконный) и индуцированный); количественного состава его приверженцев (личностный, групповой и массовый); характера интенсивности его проявлений (пассивный и активный). Наиболее общественно опасной формой является *индуцированный фанатизм*, возникающий в случае, когда массовые влияния и энтузиазм, навязанные догмы и внушенные идеи втягивают индивида в экстремальные состояния.

Значимой для криминологической науки представляется классификация форм религиозного фанатизма, предложенная Э.М. Шариповой, по факторам религиозного взаимодействия: *религиозно-политический; этнорелигиозный; протекционистский, или резистентный.*

- *Религиозно-политический фанатизм* – имеет высокое влияние на политику государства, давление на все ветви власти, сопровождающееся ущемлением прав, свобод и законных интересов как отдельных граждан, так и религиозных организаций.

- *Этнорелигиозный фанатизм* первично зиждется на этническом фанатизме даже при относительной религиозной общности. Интенсивные миграционные процессы создают обостренную конфликтами и проявлением религиозного фанатизма ситуацию взаимодействия между представителями различных религий, способствуя нарушению этнокультурной и этнорелигиозной целостности народов. Навязывание чуждых ценностей неизбежно вызывает межконфессиональный конфликт. Суть состоит не в отказе от своих религиозно-культурных традиций, а в уважительном отношении к культуре принимающей страны. В ином случае столкновение двух идеологий неизбежно ведет к проявлению религиозного фанатизма с обеих сторон.

- *Протекционистский, или резистентный фанатизм* – форма религиозного фанатизма, возникающего при потенциальной опасности утраты социокультурной идентичности [1, с.16-17].

В рамках определенных цивилизаций существуют разнообразные формы религиозного фанатизма, находящиеся в перманентном взаимодействии, и риск перехода религиозного фанатизма в другую форму весьма высок.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что *религиозный фанатизм является крайней степенью проявления религиозности.* Идеино окрашенное поведение фанатично настроенного индивида характеризует его нетерпимое поведение, следствием чего могут стать проявления агрессии и религиозного экстремизма.

Итак, мы приходим к выводу, что в основе религиозного экстремизма лежит религиозный фанатизм. Религиозность индивида представляет общественную опасность лишь тогда, когда посредством своих антисоциальных действий он начинает вторгаться и негативно воздействовать на мировоззренческие убеждения других верующих.

Схожим с понятием религиозного фанатизма является религиозный фундаментализм. Религиозный фанатизм и религиозный фундаментализм не тождественны и, по сути, обозначают различные феномены. Если религиозный фанатизм представляет особую приоритетно-негативную, религиозно обусловленную социальную модель поведения по своей интенсивности и направленности с тенденцией про-

тивопоставления мировоззрения ее последователей другим верованиям или социокультурным концепциям, то религиозный фундаментализм является крайней обостренной формой проявления того или иного религиозного учения, несущего в себе политическую окраску духовных учений, что способствует формированию нетерпимости к окружающим. Если фанатизм представляет собой модель поведения, то фундаментализм характеризует радикальность и непреклонность религиозного мышления адепта или категоричность религиозной доктрины. Вместе с тем, эти два явления тесно связаны между собой, и следует учитывать, что религиозные фундаменталисты всегда являются фанатично настроенными индивидами, тогда как религиозные фанатики могут быть и в рядах иных религиозно настроенных граждан, не относящихся к фундаменталистам. Фанатизм может быть свойственен любой религии.

В анализируемом контексте А.Жефля указывает, что в большинстве мировых религий присутствует крайняя (полюсная) точка ее проявления – *фундаментализм* [3, с.49]. Чаще всего речь идет именно о политической акцентуации духовных учений, что, в конечном итоге, придает фундаментализму черты нетерпимости и обостренности. (К примеру, фундаменталисты борются против легализации абортов).

Молодежь в силу своих возрастных и психологических особенностей наиболее восприимчива к идеям радикализма, чем и пытаются воспользоваться лидеры экстремистских и террористических организаций [4, с.16].

Целью религиозного фундаментализма является реформирование общества в соответствии с требованиями религии, возведенной в абсолюте, изменение законов, нравов, социальных норм, а иногда даже политической структуры государства. В любом случае, фундаментализм являет собой экстремально ограничительную религию. В этом смысле А.Жефля уточняет, что не стоит путать религиозный фундаментализм с экстремистским движением. Если религиозный экстремизм материализуется в совершении преступлений, в основе которых лежит мотив религиозной ненависти, то религиозный фундаментализм не является ни экстремистской, ни тем более террористической идеологией. По мнению автора, он позиционируется на разжигании межконфессиональной ненависти [3, с.49].

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что религиозный фанатизм и религиозный фундаментализм с криминологической точки зрения могут являться благоприятной средой для взращивания религиозных экстремистов, однако подобное отнюдь не закономерно. Иными словами, не всякий религиозный фанатик или приверженец религиозных фундаментальных взглядов становится религиозным экстремистом, и не всякое религиозное фундаментальное учение являет собой неизбежную предпосылку для возникновения экстремизма религиозного толка.

Для того чтобы уяснить социальную и криминологическую природу религиозного экстремизма, обратимся к анализу родового понятия экстремизма в специальной литературе.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что *экстремизм* является многогранным феноменом и может быть политическим, идеологическим, расовым, национальным, религиозным и т.д. Термин «*экстремизм*» стал активно использоваться в начале XX века для обозначения приверженцев крайних (полюсных) взглядов и поступков. Однако попытки дать его определение не увенчались успехом. Несмотря на то, что в действующем законодательстве и ряде международных правовых актов принята попытка определения экстремизма, в юридической науке на сегодняшний день отсутствует единая позиция по поводу его содержания, форм проявления экстремизма, не выработаны четкие критерии, разграничивающие смежные с ним явления и понятия. Такая ситуация сложилась из-за того, что экстремизм и его проявления представляют собой сложное многогранное и не до конца изученное явление.

Понятие «*экстремизм*» может быть сформулировано на основе междисциплинарного подхода, учитывая достижения не только правовых наук, но и философии, социологии, политологии, психологии и других гуманитарных дисциплин.

По мнению О.В. Зелениной и П.Е. Суслонина, *экстремизм* – это использование крайних, деструктивных, выходящих за рамки дозволенного средств для достижения радикальных религиозных или политических целей [2, с.35-36].

Ю.В. Сергеева рассматривает экстремизм двояко: как социальное явление и как правовую категорию. Под экстремизмом как *социальном явлении* автор понимает наличие у индивида или определенной общности крайних идеологических взглядов, представляющих угрозу конституционным правам, свободам, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию, обороне и безопас-

ности государства. Вместе с тем, по мнению того же автора, экстремистская деятельность как *правовая категория* представляет собой специфически мотивированную, насильственную, противоправную деятельность, создающую угрозу национальной безопасности государства [4, с.16-17]. В правовом смысле вне конкретных запретов понять суть экстремизма и экстремистских преступлений невозможно. Экстремизм может проявляться в двух формах: административного правонарушения и преступления.

Основной идеологии экстремизма является мировоззрение определенного индивида или общности людей, составляющих обособленную социальную группу, базирующееся на национальном, расовом, религиозном, социальном, политическом превосходстве и являющееся мотивом для совершения противоправных действий [4, с.16-17].

Уголовная политика в сфере противодействия экстремизму основывается на нейтрализации причин и условий, способствующих распространению экстремистской идеологии, и на ликвидации последствий экстремистских акций.

По наблюдению Ю.В. Сергеевой, молодежная среда в силу своих возрастных особенностей наиболее подвержена негативному влиянию. **Молодежный экстремизм** определяется автором как основанная на идеологии экстремизма противоправная деятельность молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет.

Ю.В. Сергеева установила, что инициаторами экстремистских противоправных действий часто выступают лидеры и активные члены неформальных молодежных объединений, радикально настроенные граждане [4, с.12].

Особое место в литературе занимает проблема религиозной радикализации, в том числе и религиозного экстремизма в местах лишения свободы [5, с.158]. Феноменом сегодняшнего периода социальных изменений следует считать попытку отдельных категорий осужденных оценивать «схожесть» совместно отбывающих наказание не по признаку ранее совершенного преступления, а по отношению таких лиц к государству и его политике. В этих условиях проявляется различие по национальному или религиозному признаку.

Термин «**радикализация**» не имеет активного применения в научном лексиконе отечественных специалистов в области социологии и криминологии. Пенитенциарная наука не является исключением. И.А. Уваров определяет понятие радикализации и пенитенциарной радикализации. Так, под *радикализацией* автор понимает процесс принятия системы экстремистских убеждений, в том числе готовность использовать, поддерживать или содействовать насилию как методу для осуществления перемен в обществе [5, р.159-160]. Под *пенитенциарной радикализацией* он понимает длительный процесс усвоения лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, идеологии ненависти, призывающей к насилию в отношении определенных групп населения, подрывающей существующие общественные институты и государственное устройство. В основе этого процесса всегда лежит отношение к конкретной национальной группе или представителям конфессии [5, с.160].

Необходимо признать, что осужденные, придерживающиеся определенных экстремистских взглядов, в период нахождения в местах лишения свободы не только не отказываются от своих взглядов, но и, напротив, консолидируют вокруг себя определенную часть осужденных. Результатом такой консолидации является радикализация осужденных в условиях пенитенциарных учреждений, что способствует расширению радикальных взглядов и после освобождения [5, с.160].

По мнению А.Жефля, **экстремистская идеология** продвигает субъективное отношение отдельных лиц или учения отдельных религиозных или псевдорелигиозных учений, которые на основе теории, догмы или крайней точки зрения, посредством насильственных или радикальных мер преследуют насаждение собственной программы. Действительно, религиозная ненависть является одним из благоприятных факторов в основе развития терроризма, а религиозный терроризм считается одним из самых опасных, так как именно ему свойственна религиозная догматика и особая психологическая обработка последователей таких учений [3, с.49].

Криминалисты О.В. Зеленина и П.Е. Суслонов советуют обращать внимание на эмоционально окрашенную лексику, используемую в текстах экстремистского толка. Специальным приемом является также сознательное и целенаправленное посягательство на религиозные и национальные святыни, оскорбление религиозных и национальных чувств, что нарушает права и свободы, возбуждает национальную и религиозную рознь. С вышеназванным приемом связано такое проявление экстремизма, как пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их

отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. Далеко не всегда грубые и жесткие политические высказывания являются экстремистскими: они должны относиться к конкретному адресату, прямо указанному в уголовном законе.

Приемом, направленным на возбуждение ненависти, является формирование установки на принципиальное противоречие, несовместимость социальных, национальных, религиозных групп. Авторы экстремистских материалов в ряде случаев прибегают к сознательному нарушению основных логических законов. Для этого используется прием подмены понятий. Налицо сознательное выстраивание логически порочной цепочки рассуждений. Особо следует отметить использование создателями экстремистских материалов средств эстетического воздействия, художественных образов и символов.

Следует помнить, что далеко не все символы, используемые экстремистскими группировками, несут признаки экстремизма. Многие элементы субкультур носят характер символов для идентификации в кругу «своих» и поэтому не могут считаться экстремистскими. Подлинный смысл этих символов понятен широкому кругу только при специальной расшифровке [2, с.19].

А.Жефля определяет **религиозный экстремизм** как субъективное отношение лица или как учение отдельных религиозных или псевдорелигиозных течений, которые на основе теории, догмы или крайней точки зрения, посредством насильственных или радикальных мер преследуют

- 1) насаждение собственной программы с целью насильственного свержения основ конституционного строя и нарушения целостности государства;
- 2) подрыв государственной безопасности;
- 3) захват государственной власти или полномочий;
- 4) создание незаконных вооруженных формирований;
- 5) осуществление террористической деятельности;
- 6) разжигание религиозной ненависти;
- 7) унижение человеческого достоинства;
- 8) совершение актов хулиганства и вандализма ввиду религиозной ненависти;
- 9) пропаганду исключительности, превосходства или ущербности граждан в зависимости от их отношения к той или иной религии или по религиозному критерию [3, с.49].

Автор подчеркивает, что высказывания, дающие положительную (одобрительную) оценку экстремистским организациям прошлого, в историческом контексте и в рамках лекционных или научных докладов не являют собой формулировку экстремистских взглядов. Он уточняет, что религиозный экстремизм лежит в основе религиозного терроризма, а игнорирование экстремизма как феномена может привести к развитию и распространению терроризма [3, с.49].

Религиозный терроризм является идеологией, основанной на религиозной ненависти, прикрытой религиозной или псевдорелигиозной догматикой, состоящей в насилии (системном и спланированном использовании силы либо угрозы ее применения) или в насильственном воздействии на принятие решений публичными органами или международными организациями, сопровождаемой устрашением населения.

Применительно к преступлениям религиозно-экстремистской направленности в уголовном праве Республики Молдова, отметим что законодатель не оперирует понятием «**экстремизм**» в уголовном законе Республики Молдова, более того, отсутствует какое-либо упоминание о религиозном экстремизме или религиозной экстремистской деятельности, в частности.

Немаловажен и тот факт, что право в целом несет на себе влияние религии. Безусловно, *религия*, будучи элементом духовной сферы, немислима вне правовой сферы и является важной составляющей правосознания современного гражданина, выступая как религиозное правосознание. *Религиозную мораль* и *религиозное правосознание* следует рассматривать как самостоятельный социальный источник права, вбирающий в себя разнообразные духовные элементы, отражающие различные сферы общественной идеологии и психологии, не совпадая полностью ни с одним из иных социальных компонентов правосознания [6, с.11]. В этом смысле корректно будет утверждать, что уголовное законодательство, в частности – как и система права Республики Молдова, в целом претерпевает влияние религии. Действительно, *религиозное правосознание* дает важную для генезиса права духовно-культурную основу правотворчества, выступая важным элементом правосознания в юридически значимых жизненных ситуациях, поскольку возникновение самосознания в эволюционном развитии человека стало значительным этапом в становлении института религии.

В этом контексте уместно привести наблюдение О.П. Виноградовой, согласно которому из всех монотеистических конфессий современности нормы буддизма и католицизма менее всего по содержанию приближены к правовым и менее всего способны оказывать влияние на них, так как необходимы, прежде всего, для адаптации лица в сверхчувственной реальности. Нормы православия, мусульманства и иудаизма неразрывно связаны с преобразованием социокультурного мира, поэтому их взаимодействие с правовыми нормами является более тесным [6, с.11].

Соответственно, можно заключить, что религия и уголовное право неразрывно связаны между собой, что отражается на содержании уголовно-правовых запретов, предусмотренных в Особенной части Уголовного кодекса. Вместе с тем, напрашивается однозначный вывод о том, что соотношение религии и права немыслимо без анализа полюсных проявлений религии в праве и наоборот, но, к сожалению, это не всегда осуществляется. Ярким примером вышесказанному является упущение молдавского законодателя, состоящее в отсутствии определения понятия религиозного экстремизма в уголовном законодательстве, а также в систематизации преступлений религиозной экстремистской направленности. Об уместности и необходимости подобного рода законодательной деятельности косвенно свидетельствует и то, что в действующем законодательстве родовое понятие экстремизма существует, а в уголовно-правовых запретах, которые, по сути, и являются гарантом обеспечения регулятивных норм права посредством внедрения прямых санкций, – такового нет.

Несмотря на данное обстоятельство, в современной науке уголовного права была предпринята попытка систематизации преступлений религиозного характера [7, с.173-175]. Так, в 2016 году А.Жефля и В.Морару попытались вычленить и сгруппировать все уголовно-правовые деяния, предусмотренные Особенной частью Уголовного кодекса Республики Молдова, которые так или иначе посягают на общественные отношения в области религии, систематизировав их следующим образом:

1. Религиозные преступления (ст.222 УК РМ – Надругательство над могилой или памятником);

2. Преступления, совершенные по религиозному мотиву. К данной группе преступлений авторы отнесли уголовно-правовые деяния, предусмотренные п.1) ч.(2) ст.145 УК РМ; п.1) ч.(2) ст.151 УК РМ; п.1) ч.(2) ст.152 УК РМ, иными словами – умышленные преступления против жизни или здоровья личности, совершаемые по специальному мотиву – *разжигание религиозной ненависти*.

3. Преступления, содержащие признаки религиозного экстремизма. Данная группа преступлений, по мнению авторов, вобрала в себя несколько подгрупп и оказалась самой многочисленной. В частности, авторами были выделены пять категорий уголовно-правовых деяний экстремистского характера, которые, исходя из конструкции составов и законодательных формулировок, могут содержать и признаки религиозного экстремизма:

– Преступления, содержащие признаки религиозного экстремизма, совершаемые против конституционных прав личности (ч.(1) ст.176, ст.185 УК РМ);

– Преступления, содержащие признаки религиозного экстремизма террористического характера (ч.(1) ст.278; ст.279; ст.279¹; ст.279² УК РМ).

– Преступления, содержащие признаки религиозного экстремизма, совершаемые против государственной безопасности (ст.346 УК РМ);

– Преступления, содержащие признаки религиозного экстремизма, совершаемые в отношении определенной религиозной группы или в отношении определенного лица, принадлежащего к таковой (ст.135, ст.135¹ УК РМ);

– Преступления, содержащие признаки религиозного экстремизма, совершаемые в отношении имущества религиозного культа (п.б) ч.(3) ст.137³; п.б) ч.(2) ст.197; п.с) ч.(2) ст.288 УК РМ)

Авторы приходят к выводу, что уголовный закон не санкционирует все формы экстремизма, перечень которых гораздо шире. Несмотря на условность подобной систематизации, представляется, что она является понятной и исчерпывающей. В любом случае она позволяет нам сформулировать два вывода: уголовный закон предусмотрел подобные преступления разрозненно, в различных главах Особенной части; уголовно-правовой охране в равной мере подлежат как индивидуальные права, свободы и законные интересы отдельной личности, так и интересы общества и государства в рамках уголовно-правовой охраны от преступных посягательств религиозной экстремистской направленности.

Стоит отметить, что из предложенной систематизации явствует обязательное установление мотива религиозной экстремистской направленности, при отсутствии которого квалификация содеянного, в

соответствии с указанными пунктами и частями статей Особенной части Уголовного кодекса, не представляется возможной.

В.В. Ревина определяет родовое понятие преступления экстремистской направленности как виновное совершенное противоправное и наказуемое, посягающее на жизнь, здоровье, иные права и законные интересы личности, общественно опасное деяние, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [8, с.7-8].

В свою очередь, экстремистская преступная деятельность определяется цитируемым автором как совокупность общественно опасных деяний, посягающих на жизнь и здоровье, иные интересы личности, оскорбляющие человеческое достоинство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [8, с.8].

В.В. Ревина считает необходимым выделять не только преступления экстремистской направленности, но и преступления, связанные с экстремистской деятельностью, совокупность которых целесообразно именовать экстремистскими преступлениями [8, с.18]. Объектами экстремистских преступлений являются жизнь и здоровье, интересы семьи и несовершеннолетних, общественный порядок, здоровье населения и общественная нравственность. В то же время, по таким мотивам совершались и совершаются посягательства на имущество, сексуальное насилие.

Анализируя признаки преступлений экстремистской направленности, следует отметить, что особое место в этом ряду занимает экстремистское поведение лиц, связанное с совершением действий насильственного характера по религиозным мотивам.

В том случае, когда мы говорим о преступлениях экстремистской направленности, основную «ключевую» составляющую предмета доказывания в данном случае будет представлять необходимость доказывания именно экстремистского характера действий, то есть совершения преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти.

При квалификации преступлений экстремистской направленности, посягающих на жизнь и здоровье граждан, правоохранительные органы сталкиваются с конкуренцией экстремистских и хулиганских мотивов.

Трудность при расследовании таких дел представляет именно **установление экстремистского мотива**. Во многих случаях экстремизм (имевшийся на самом деле) «исчезал» после определения мотива совершенного преступления как хулиганского, что влекло совсем иную квалификацию содеянного. Логика такой квалификации заключалась в признании конкуренции мотивов. Основным мотивом признавался хулиганский, а экстремистский хотя и допускался, но считался не главным, а дополнительным, вспомогательным. В.В. Ревина обоснованно выступает против такого подхода. Преступление, совершаемое по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, нельзя сводить к бытовым преступлениям против личности и даже к хулиганству, поскольку это – преступление против основ конституционного строя и конституционных прав граждан. Нельзя не согласиться с абсурдностью, когда действия, направленные на возбуждение такого рода ненависти или вражды, считаются преступлениями против публичной власти, а реализация экстремистского мотива – преступлением против личности или хулиганством [8, с.18-19].

Следует иметь в виду, что в основу криминализации «экстремистского» хулиганства положена способность этого деяния причинять вред интересам соблюдения равенства лиц вне зависимости от их социальных, расовых, национальных, религиозных и прочих различий. А, следовательно, интересы общественного порядка, страдающие от подобного рода проявлений человеческого поведения, нарушаются опосредованно.

Поэтому, как справедливо утверждает В.В. Ревина, «экстремистское» хулиганство имеет совершенно иной (по сравнению с хулиганством, посягающим на общественный порядок) основной непосредственный объект посягательства [8, с.18-19].

Мотивация любого экстремистского преступления, по В.В. Ревиной, принципиально отлична. Сущность экстремистского мотива – это не «выпячивание собственного я» по отношению к персонализированному потерпевшему. Фундаментальное основание такого мотива состоит в противопостав-

лении «я (мы) – они». Такое противопоставление – не просто констатация существующего факта различия в национальной, расовой, этнической, религиозной принадлежности, оно связано со стремлением ущемить противоправным деянием законные права и интересы других, и именно потому, что «они отличны от нас» [8, с.18-21].

К сожалению, приходится констатировать, что в действующем уголовном законодательстве не указано, что следует понимать под политической, идеологической, расовой, религиозной ненавистью либо ненавистью в отношении какой-либо социальной группы в качестве мотива преступления экстремистской направленности. Не выработано это определение и правоприменительной практикой, что может затруднить правоприменительную деятельность. К тому же, оценка мотивов как экстремистских требует специальных знаний. В связи с этим материалы, отражающие экстремистские взгляды субъектов рассматриваемых преступлений, подлежат экспертизе по уголовному делу.

Экстремистские преступления объединяет наличие обязательного признака субъективной стороны – **специального мотива**. Как правило, мотивы могут считаться как альтернативно-конструктивные.

В большинстве исследуемых составов преступлений указанный квалифицирующий признак не единственный, поэтому следует учитывать, что возможна квалификация сразу по нескольким квалифицирующим признакам. Исключение составляют мотивы хулиганские, корыстные побуждения, или цель скрыть другое преступление либо облегчить его совершение, когда имеет место конкуренция мотивов, а значит, квалификация по субъективной стороне в этом случае должна осуществляться с учетом доминирующего (основного) мотива.

Экстремистские мотивы необходимо предусмотреть непосредственно в ряде статей Особенной части УК РМ, так как в этих случаях мотив утрачивает свой факультативный характер и становится обязательным элементом субъективной стороны состава, подлежащим неременному доказыванию.

В качестве средства совершения преступления могут быть использованы нож, ружье, пистолет, автомобиль и т.д. В некоторых случаях преступления экстремистской направленности по мотивам вражды в отношении представителей какой-либо социальной группы (расы, национальности, религиозной общины) могут быть совершены без использования каких-либо средств. Например, умышленное причинение телесных повреждений различной степени в результате избиения. В иных ситуациях проявления экстремизма в качестве средства совершения преступлений могут использоваться документы [9, с.89-90].

К данным видам преступлений также следует отнести и преступные посяательства экстремистской направленности, средствами которых явились информационные материалы [2, с.19]. В заявлении необходимо максимально точно формулировать, какой информационный материал признается экстремистским (название, автор, год издания и т.п.) для предотвращения проблем при его дальнейшей идентификации.

Как справедливо указывают О.В. Зеленина и П.Е. Суслонов, перед специалистом стоит сложная задача – *отыскать эту тонкую грань между свободой слова и призывом к насилию* [2, с.19]. В этом контексте цитируемые авторы отмечают, что очень часто в качестве непреложной истины преподносятся не фактические данные, а слухи, измышления, мифы и гипотезы, тенденциозно подобранные, извращенные вымышленные факты, бездоказательные утверждения и представления, отвергаемые современной наукой. Специалист в области исторической, религиоведческой, культурологической или политической науки в рамках своей компетенции должен ответить на вопрос об истинности приводимых фактов. Иногда имеет место сознательное искажение, извращение специфики и сути тех или иных национальных или религиозных групп [2, с.19].

Принципиальным моментом в выявлении признаков экстремизма является доказательство факта публичности распространяемых материалов, то есть стремление автора донести смысл информации до максимально большего числа адресатов: место распространения; время распространения; способ распространения (листовки располагаются на высоте человека среднего роста, справа у входа в здание и т.д.). С точки зрения принципов нейро-лингвистического программирования (одно из направлений современной психологии), человек более внимательно воспринимает предметы, расположенные справа и сверху. Это связано с устройством головного мозга, где левое полушарие отвечает за аналитическое познание, а правое полушарие – за эмоционально-образное познание.

Практика соответствующих исследований и экспертиз подтверждает необходимость выявления не только смысловой направленности текстов, но и *используемых приемов пропаганды, внедрения определенных идей и установок*, что является компетенцией социальной психологии и психолингвистики. Применительно к преступлениям религиозно–экстремистской направленности, необходимо назначать и проводить несколько видов экспертиз:

- социально-психологическую экспертизу;
- психолингвистическую экспертизу;
- культурологическую экспертизу (исследование).

– *Социально-психологическая и психолингвистическая* экспертизы, или исследования, назначаются в том случае, если необходимо выявить смысл представленной для исследования информации, ее воздействие на сознание потенциального читателя и слушателя. Важнейшей задачей экспертизы и исследования является отделение текстов, несущих признаки экстремизма, то есть возбуждающих ненависть и вражду, от текстов, выражающих радикальные взгляды на окружающую действительность. Само по себе изложение тех или иных истинных фактов и сообщение сведений исторического, религиозного, политического характера еще не означает направленности текста на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Решающую роль играет смысловая функция таких сообщений, то, ради чего, в подтверждение каких взглядов и идей они используются, какие представления и установки несут, какими средствами они пропагандируются, навязываются читателям, слушателям или зрителям [2, с.19].

– *Культурологическая* экспертиза, или исследование, назначается в том случае, если вопросы подлинности приведенных фактов и достоверности сообщений лежат за пределами психолингвистического анализа и относятся к компетентности других специалистов: историков, религиоведов, экономистов, политологов, генетиков, антропологов, этнологов и др. Таких специалистов следует привлекать для проведения комплексных экспертиз наряду с социальным психологом. Вопросы должны быть сформулированы так, чтобы каждый из них имел четкое задание в пределах своей компетенции.

Выявление признаков экстремизма носит комплексный характер и не может быть прерогативой только филологов или только историков религии, или только политологов и т.д. В настоящее время признается, что при ведущей роли психолингвистики (науки, изучающей воздействие слова на психику человека) в выявлении признаков, возбуждающих ненависть и вражду, необходимо привлечение специалистов (культурологов, религиоведов, этнологов), способных оценить достоверность и объективность фактического содержания исследуемых материалов.

Тщательное изучение объекта преступного посягательства, анализ его поведения, а также анализ поведения социальной группы, к которой он относится, позволяет определить пространственно-временные параметры изучения свойств преступника и мотивы его экстремистской деятельности [9, с.89-90].

Выводы

1. *Религиозный фанатизм* представляет особую приоритетно-негативную, религиозно обусловленную социальную модель поведения, по своей интенсивности и направленности, имеющую тенденцию к противопоставлению мировоззрения ее последователей другим верованиям или социокультурным концепциям. Религиозный фанатизм является крайней степенью проявления религиозности. Идеино окрашенное поведение фанатично настроенного индивида характеризует его нетерпимое поведение, следствием которого могут стать проявления агрессии и религиозного экстремизма.

2. Схожим понятию религиозного фанатизма выступает религиозный фундаментализм. *Религиозный фундаментализм* является крайней обостренной формой проявления того или иного религиозного учения, несущего в себе политическую окраску духовных учений, что способствует формированию нетерпимости к окружающим.

3. Религиозный фанатизм и религиозный фундаментализм не тождественны и, по сути, обозначают различные феномены. Эти две категории тесно связаны между собой, поэтому следует иметь в виду, что религиозные фундаменталисты всегда являются фанатично настроенными индивидами, тогда как религиозные фанатики могут быть и в рядах иных религиозно настроенных граждан, не

относящихся к фундаменталистам. Фанатизм может быть свойственен любой религии. Если фанатизм представляет собой модель поведения, то фундаментализм характеризует радикальность и непреклонность религиозного мышления адепта или категоричность религиозной доктрины.

4. С криминологической точки зрения, религиозный фанатизм и религиозный фундаментализм могут являться благоприятной средой для взращивания религиозных экстремистов, но подобное отнюдь не закономерно. Иными словами, не всякий религиозный фанатик или приверженец религиозных фундаментальных взглядов становится религиозным экстремистом, и не всякое религиозное фундаментальное учение являет собой неизбежную предпосылку для возникновения экстремизма религиозного толка.

5. *Религиозный экстремизм* рассматривается двояко: 1) как субъективное отношение лица или 2) как учение отдельных религиозных или псевдорелигиозных течений, которые на основе теории, догмы или крайней точки зрения, посредством насильственных или радикальных мер, преследуют достижение собственных деструктивных целей. В основе религиозного экстремизма лежит религиозный фанатизм. Религиозность индивида представляет общественную опасность лишь тогда, когда посредством своих антисоциальных действий он начинает вторгаться и негативно воздействовать на мировоззренческие убеждения других верующих.

6. *Религиозный терроризм* является идеологией, основанной на религиозной ненависти, прикрытой религиозной или псевдорелигиозной догматикой, состоящей в насилии (системном и спланированном использовании силы либо угрозы ее применения) или в практике насильственного воздействия на принятие решений публичными органами или международными организациями, сопровождаемого устрашением населения.

7. Применительно к преступлениям религиозно–экстремистской направленности в уголовном праве Республики Молдова, заметим, что законодатель не оперирует понятием «*экстремизм*» в уголовном законе Республики Молдова, более того, отсутствует и какое-либо упоминание о религиозном экстремизме или религиозной экстремистской деятельности, в частности.

8. *Преступлениям религиозно–экстремистской направленности* свойственно экстремистское поведение лиц, связанное с совершением действий насильственного характера по религиозным мотивам.

9. Преступления, совершаемые по мотивам религиозной ненависти в отношении какой-либо социальной группы, нельзя сводить к бытовым преступлениям против личности или даже к хулиганству, поскольку это преступления против основ конституционного строя и конституционных прав граждан.

10. Сущность экстремистского мотива состоит в противопоставлении по принципу «я (мы) – они» против остальных, не входящих в нашу группу. Экстремистские мотивы необходимо предусмотреть непосредственно в ряде статей Особенной части УК РМ, так как в этих случаях мотив утрачивает свой факультативный характер и становится обязательным элементом субъективной стороны состава преступления, подлежащим неременному доказыванию.

11. К сожалению, приходится констатировать, что в действующем уголовном законодательстве не указано, что следует понимать под политической, идеологической, расовой, религиозной ненавистью либо ненавистью в отношении какой-либо социальной группы как мотива преступления экстремистской направленности. Не выработано это определение и правоприменительной практикой, что может затруднить правоприменительную деятельность. К тому же, оценка мотивов как экстремистских требует специальных знаний. В связи с этим материалы, отражающие экстремистские взгляды субъектов рассматриваемых преступлений, подлежат экспертизе по уголовному делу.

12. Рассматривая преступления экстремистской направленности, нельзя не отметить, что кроме трудностей при определении экстремистских мотивов, сложность вызывает определение принадлежности преступника и жертвы, наличие идеологических разногласий, а также принадлежности к различным религиозным конфессиям. В связи с этим, уместно считать, что убийство и иные насильственные деяния, могут быть совершены как с прямым, так и с косвенным умыслом. Например, убийство с косвенным умыслом по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды может быть совершено при избиении потерпевшего.

Литература:

1. ШАРИПОВА, Э.М. *Социокультурная специфика религиозного фанатизма*. / Автореф. дисс. ... кандидата социологических наук. Специальность 22.00.06 – Социология культуры. Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2014. 31 с.
2. ЗЕЛЕНИНА, О.В., СУСЛОНОВ, П.Е.. *Методика выявления признаков экстремизма. Процессуальные исследования (экспертизы) аудио-, видео- и печатных материалов*. Научно-практическое пособие. Екатеринбург: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2009. 90 с.
3. JEFLEA, A. Vulnerabilități și amenințări de natură religioasă în mediul de securitate publică: aspecte criminologice. În: *Revista Națională de Drept*, 2017, nr.2.
4. СЕРГЕЕВА, Ю.В. *Административно-правовое регулирование противодействия молодежному экстремизму органами внутренних дел*. / Автореф. дисс. ... кандидата юридических наук. Специальность 12.00.14 – Административное право; Административный процесс. Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014.
5. УВАРОВ, И.А. Определение понятия радикализации осужденных в условиях пенитенциарных учреждений. В: *Материалы выездного заседания Региональной общественной организации Союза криминалистов и криминологов «Рецидивная преступность и пути ее преодоления»* (Рязань, 15 апреля 2011 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2011, 185 с.
6. ВИНОГРАДОВА, О.П. *Религиозные аспекты в российском праве*. / Автореф. дисс. ... кандидата юридических наук. Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; История учений о праве и государстве. Нижний Новгород: Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2011. 29 с.
7. JEFLEA, A., MORARU, V. Infrațiuni ce implică semne de extremism religios: aspecte de drept penal. În: *Studia Universitatis Moldaviae. Seria „Științe sociale”*, 2016, nr.8(98).
8. РЕВИНА В.В. *Экстремизм в российском уголовном праве*. / Автореф. дисс. ... кандидата юридических наук. Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право. Москва: Российский университет дружбы народов, 2010.
9. ХЛУС, А.М. Криминалистические возможности выявления фактов экстремизма при расследовании преступлений. В: *Актуальные проблемы правового противодействия экстремизму: доктрина и практика*. Материалы Международной науч.-практ. конф. (19-20 апреля 2012 г.) / Отв. ред. Г.И. Цепляева. Петрозаводск, 2012.

Prezentat la 19.07.2017